

ЭТЮД В НАВИГАЦИОННЫХ ОГНЯХ

Когда выходишь на мостик ночью, глаза должны долго привыкать к темноте. Она обрушивается на тебя после светлого коридора и в первое мгновение ошеломляет. Границу света и тьмы ощущаешь почти физически и невольно замираешь, пытаешься понять, что же происходит вокруг. Наверное, так замирали наши предки, откинув шкуру, отделяющую уютную, согретую теплом остра пещеру от враждебного черного мира.

Потом глаза постепенно привыкают, и становится ясным, что темнота на мостике вовсе не такая уж черная и тем более враждебная. Светлячки горят индикаторные лампочки на приборах, приглушенно-красным кольцом выделяется подсветка компаса, подмигивает большим зеленым

— До чего же мутит от этих "палевых облаков, витиеватых, словно кружева, сотканые ласковыми, сладострастными пальчиками заморских мастериц". Интересно, почему заморских? Своих, что ли, не хватает? Эти сравнения приходят в голову... Кстати, кому такое в голову приходит? Никак любителям засахаренных фруктов и домашнего варенья. Впрочем, что плохого в домашнем варенье? Сидишь январским вечером в уютной маленькой квартирке, пытаешься отогреть масляным радиатором застывшее от еле теплых батарей и зимней вьюги художничать, трескаешь бутерброд с вязкой клубничной, сливовой, абрикосовой вкуснятиной. Трескаешь, пардон, вкушаешь и тащишься, пардон, восторгаешься от прочтения какого-нибудь романа, где эти самые палевые облака так и стелются по небесному своду, словно в них смысл всей нашей бренной хомо-сапиенской жизни. Фу. Что фу? Витать в облаках... Не это ли предел бабьих, пардон, дамских мечтаний? Пожалуй, "пардонов" многовато. Может быть, отбросить условности некой псевдоинтеллектуальной культуры и не стесняться выражений грубой, но реальной жизни? А что, собственно говоря, псевдоинтеллектуального в палевых облаках, сладострастных пальчиках и витиевато сотканных заморскими мастерицами кружевах? Да, ничего. Разве что за всеми этими кружевами частично не видно замысла писателя. Нашел привлекательные образы, оформил в нечто, якобы целостное, и... подсунил впечатлительных дамочкам. Дескать, пусть внемлют игре красивых слов, надо же их приобщать к прекрасному. И срабатывает же! С женщинами вообще многое "мужское" срабатывает.

Подобные мысли не раз приходили в голову Марте. Вот и сегодня она этим грешила. А как все хорошо начиналось: солнечный день, бег трусой, обливание холодной водой, удачно завершенное дело на работе и вообще — хорошее настроение... А вечером она решила погрузиться в чтение современного романа. Погрузилась. Вот "приятность" и закончилась. Осталось только ощущение, будто съела что-то приторно-сладкое. Ее даже затосчило. Марта вспомнила, что в юности любила любовную лирику. Но прошлые годы, и однажды пришло прозрение, которое тоже вызвало у нее такие же ощущения. Она обнаружила во многих стихах одну нехитрую особенность: вместо того чтобы воспевать любовь, некоторые поэты лелеяли свои страдания. Создавалось впечатление, что им безразличны собственные Музы. Зато страдания, которые дамы причиняли своей холодностью, жестокостью, ветреностью (и т. д.), возводились до вершин Абсолюта, швырялись к стопам Отца Небесного: дескать, смотри, Папа, как я красиво страдаю. Она меня "кинула", а я

глазом экран локатора, а впереди, возле лобового стекла, светятся огонек сигареты. А вон еще один, еще...

Обычно вахту на мостике несут двое, но сейчас кроме них здесь капитан и все помощники — проходим узость Дарданелл.

Берега пролива только угадываются по границе, отделяющей звездное небо от темной воды, и по россыпи огней на берегу. На левом — азиатском — их больше, они тянутся непрерывной линией; на правом — европейском — меньше, они расположены небольшими группами. От одной группы к другой, то вновь исчезая, то появляясь, перемещаются хвостом вперед небольшие кометы — фары автомашин, едущих вдоль пролива. Пролит тоже кишит огнями. Одни довольно

стихи пишу, изливаю свою боль с нежным надрывом. Когда же Папа внезапно обращал внимание на страдания и посылал счастливую (по его, Папиному, понятию) любовь, пиит не реагировал. В лучшем случае ограничивался весьма банальными фразами вроде: она молода, красива и тихо влюблена, но... не люблю ее я, не люблю. Вот ту заразу, стерву и кокетку — да, но не ее... И в самом деле: кому нужна дева, любящая тихо, нежно и без элементов игры? Зачем тихая любовь? Ведь когда на душе покой, писать стихи, как правило, не хочется. Короче говоря, душевный мазохизм. Впрочем, им болеют не только поэты. Да и не все поэты им болеют.

Кстати, о Папе, то есть об Отце. Ее давно "достали" некие искатели "единой истины", пытавшиеся свои экзистенциальные поиски уместить в целую тираду умозаключений. Мыслители и философы "от экзистенции" часто приходили в редакцию городской газеты, где она работала. По роду журналистской деятельности Марте приходилось сталкиваться с разными людьми, но порой бывали просто диковинные экземпляры. Один такой однажды зашел к ней в кабинет. Лысый, как бильярдный шар, плотный, словно мешок с цементом, заявил без зазрения совести, что он... истиновед. Вначале Марта решила, что это городской сумасшедший, но он настаивал на своем — истиновед. Его истина была не сложной — десять заповедей, которые дядечка, как лучший сын своей отчизны, получил, подобно Моисею, в наследство от Самого. Заповедями оказались десять пословиц и поговорок о пользе сна. Истиновед доказывал: чем больше человек спит, тем больше познает истину. Жаль, что он не пришел в редакцию через два дня, когда открывал свою истину другой товарищ, внезапно осознавший: все люди плохи тем, что давно и беспробудно спят, а истина как раз в том, чтобы проснуться. Правда, они оба не видели еще одного своего "коллегу", прибывшего с целью просвещения нездорового души и сознания народа и, конечно же, коллектива редакции газеты. А суть учения проста — йоговские упражнения, которые он недавно освоил, благодаря чему добился "просветления". Несмотря на все усилия Марты не допустить демонстрации телодвижений, но испеченный йог встал в позу "всадник" и пытал (сотворял специальную йоговское дыхание) так громко, что на эти странные звуки сбежались сотрудники из близлежащих комнат и выпроводили его "под белы ручки". Весь в поту от титанических усилий, "всадник" усакал, бормоча: "Мир ужасный! Никто не желает меня слушать". Письма, поступавшие порой в редакцию, тоже отсвечивали экзистенциальностью. Например, дворник, которого беспокоила грязь в подъездах домов, сравнивал ее со

быстро перемещаются поперек нашего курса — это катера, соединяющие берега. Другие как бы возникают далеко впереди и, почти не изменяя положения, постепенно увеличивают яркость. Это встречные суда, и чтобы определить, как они движутся, нужно знать целую науку: о навигационных огнях.

Применяя ее, капитан может, например, сказать: если встречное судно светит слева впереди зеленым огнем, то оно собирается пересекать его курс, а если при этом огонь не смещается вперед, ни назад, то встречный собирается пересекать не только курс, но и само судно. Впрочем, туристу, путешествующему на красавце-лайнере и любующемуся ночными Дарданеллами, знать это совершенно не обязательно.

Всемирной паутиной, опутавшей мозги, тела, да и всю жизнь плохих человек-разумных. Правда, свое эссе закончил "поэтическим" изыском "бл...дь", употребив его трижды. Еще один опус прислала некая "осознанная" старушка, которая вначале выплеснула весь гнев на голову "плохой" невестки, а затем призналась, что на старости лет прозрела относительно десятилетнего внука. Мальчик оказался ни мало, ни много "психической блохой" и "демоном". Резюме старушки таково — весь мир несется в пропасть, и только она да еще пару хороших бабушек спасутся.

Все эти искатели смысла жизни, не сговариваясь, сходились во мнении: главное наследие, полученное людьми в подарок от Всевышнего, — любовь. Сами-то они никого не любили, но каждый ожидал от людей великого и безусловного чувства. Они давно вышли из детского возраста, и для них стала неактуальной фраза пролетарского писателя: "Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха: что такое хорошо и что такое плохо?" — но они все равно по-детски чертили

ПАЛЕВЫЕ

границу между этими понятиями. Чертили в свою пользу. Чет — хорошо, если мне хорошо; нечет — плохо, если мне плохо. Нечет — если кому-то хорошо, от этого мне плохо; чет — если кому-то плохо, какое мне до этого дело? Почему? Просто каждую секунду своего существования они чувствовали себя недолюбленными.

— День удался — саркастически думала Марта. — Размышления идут "косяком". Как вешал персонаж фильма "Здравствуйте, я ваша тетя": "Я старый солдат и не знаю слов любви..." Слово как раз предостаточно, главное — их выучить. "Навешать" о любви можно кому угодно, главное — вовремя самоликвидироваться, чтобы потом за это не получить по роже. Правда, есть такие недолюбленные маньяки, которые из-под земли достанут, попытаются отомстить за неправданные надежды. Лучше всего любовью не играть. Вон Ирка до сих пор мстит "бывшему" за то, что была такой дурой и вышла за него замуж. А на что повелась? На его любовь к красивым словесным образам. Когда марш Мендельсона затих, муж ей и продемонстрировал свой настоящий образ. Правда, она уже была беременной. Развелась через десять лет, а теперь каждый ее новый муж бьет первому физиономию. Ирка за эти годы тоже научилась красоте из слов лепить. Вот и убеждает "очередного хахала" в необходимости и осознанности сега акта. Это у нее своего рода ритуал. По-

наоборот, так спокойней себя чувствуешь.

Мы не туристы, и наблюдение на мостике ведется по всем правилам навигации.

— Справа двадцать — красный, — докладывает вахтенный.

— Вижу, — отвечает капитан, — что по корме?

— По корме чисто.

— Хорошо, приготовиться квороту.

Навигационную ситуацию можно четко рассмотреть на экране локатора — круглого, выпуклого блюдца, на котором вращающийся луч рисует понятные морским картинкам.

В центре вращения луча — наш теплоход. Четко обозначаемые при каждом обороте пятнышки — другие суда. Некоторые из них помечены квадратиком со стрел-

мой, она и мужей часто меняет, чтобы всякий раз была возможность начистить чайник "бывшему". В том, что виновата сама, признаваться не хочет. Мстит мужу за его душевную неадекватность. Жаль их дочь. Ведь она обожает отца. А Ирка ей гадости о нем говорит. Они из-за этого в "контрах". Что-то опять я мыслю как-то негармонично — сленгами да полуправами. Надо вспомнить "палевые" облака, представить себе их утонченность... Нет, лучше представить себя облаком, глазеющим на землю, на маленькие домики и высотки. Представить и лететь... Слова какие-то вертятся в голове. Так...

Зелень сочная струится, растекается травами, сердце открывает миру... Свет природных форм, завершённый запахом и силой, духом жизни, радугой ветров, растворяет стены из бетона и подчеркивает неподвижность тел... Тел, чьи души в камни превратились.

В своей жизни Марте приходилось встречаться с людьми, у которых вместо души булыжники и бетонные плиты. Одних "обломали" в детстве, и в качестве самозащиты они выставили заслоны, но были и такие, у которых в графе "дано" — прочерк. Для них не существовало ни любви, ни дружбы, ни сострадания. Только понятие "мое". Таких "конкретных" было мало, они маскировались, но когда наступало их время, нападали, подобно хорошему стратегам, опустошая все вокруг и не оставляя ничего в живых. Они шли "по трупам". Правда, некоторые из них уже отправились в мир иной. Умирили тяжело. Говорят, в Библии сказано: "Смерть грешников страшна..." А не грешников? Марта вспомнила глаза мальчика, больного СПИДом. Он умирал в больнице, куда она пришла, чтобы взять интервью у заведующей детским отделением. Там и увидела Петеньку. Ему было четыре года, а выглядел, словно годовалый младенец.

Петенька не замечал Марту. Он лежал среди белоснежных простыней — такой маленький, с поиневшими губами — и глядел в потолок. Глаза недетские. Неуютные, неухоженные. Нет, за ним был хороший уход. Медсестры мальчика любили. Но ему не хватало маминой любви. "Безмамный" — так его звали работники детского отделения. Отрешенно глядя в потолок, Петенька хмурился, словно устал там нечто неприятное. Иногда улыбался. Может, палевые облака снимали боль и поднимали настроение? Вряд ли.

Это значит, что они движутся, умный прибор сам определил величину и направление скорости. Кстати, такая же стрелка есть и у изображения "Тараса Шевченко". Судно, представляющее для нас наибольшую опасность, может быть помечено треугольником. В этом случае числовые данные о курсе, скорости, дистанции, времени пересечения нашего курса и минимальное расстояние высвечиваются на специальном табло рядом с данными "Тараса Шевченко". Если минимальное расстояние оказывается слишком маленьким, то умный прибор еще и гудит.

Берега канала изображаются на экране в виде больших искривленных пятен. Когда я в Одессе в первый раз увидел сигнал локатора, меня удивило, что

Он и слов-то таких не слышал. "Наверное, врачи постепенно привыкают смотреть в лицо смерти, печать которой всегда в глазах умирающих..." — думала Марта. Но врачи признавались, что не могут привыкнуть. Говорили, им страшно.

У Марты было дурное настроение. Сегодня она почему-то вспоминала все самое плохое. Чертовы палевые облака, надо же было такое прочитать! Теперь в голову лезут всякие кошмары. Например, как она, словно героиня известной русской сказки, истоптала кучу железных башмаков, "лазая" по отделениям разных городских и областных больниц, чтобы поговорить с врачами о всевозможных болячках и о том, как их следует избегать. Вспоминала, как всякий раз медики вешали о профилактике заболеваний, а больные смотрели на журналистку, как на привидение. И неудивительно. Она не похожа на них — пока еще здоровая. Пока. А это страшное потрясение, которое ей пришлось пережить в отделении гемодиализа областной больницы! Когда-нибудь ученые найдут более эффективные методы

лечения особо опасных болезней почек, нежели аппарат искусственной почки? Ведь без него больная не может и три дня прожить. Трудно поверить, что молодые, красивые парни и девушки, мужчины и женщины, с которыми она там познакомилась, смертельно больны. Трудно поверить, что в городе много таких людей... а мест в отделении на всех не хватает...

Ее словно передернуло судорогой, настолько ясно она увидела перед собой глаза пятнадцатилетнего Алеши, лежащего в одном из отделений онкологической больницы. У него был рак костей. С каким трудом ему удавалось передвигаться по палате! Бедный мальчик! Врачи определили срок развития болезни — полгода. Жив ли он сейчас? А эти откровения! Больные часто делились с ней своими мыслями. Например, инсультники, которые "легко" (частичным параличом) отделались от мозгового удара, говорили о своей мечте — снова стать здоровыми. Они еще надеялись. Те, чье состояние было тяжелым, не могли говорить. Они так же, как Петенька, глядели в потолок, рассматривая неведомо что. Здоровые этого не видят. Пока не видят.

За несколько лет журналистской работы Марта пересмотрела почти все свои воззрения на жизнь. Человеческая боль захлестывала, и становилось неловко за собственную: "Мои страдания? Какая чушь! Все-го лишь уроки жизни. У других эти самые уроки посложнее. Особенно у детей. Им больнее. Взрослому

